

**Проблемы эмансипации мусульманских женщин в контексте
общеисламской модернизации (втор. полов. XIX - нач. XX вв.)**

Модернизация, охватившая во второй половине XIX – начале XX вв. весь мусульманский мир, не могла не затронуть проблем эмансипации женщин, их положения в семье и обществе. По общему убеждению ориенталистов женщина мусульманского Востока находилась в крайне подавленном, угнетённом и бесправном положении. Эти расхожие представления о «рабском положении» мусульманских женщин отражали аспекты европоцентричного мировоззрения европейских учёных, а также отвечали культуртрегерским претензиям западной колониальной экспансии¹. Однако ряд востоковедов сумели приподняться над рамками культурно-цивилизационной ограниченности. Например, скрупулёзное изучение женского вопроса в Средней Азии («Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», 1886) привели Наливкина В.П. и Наливкину М.В. к неожиданному для европейских учёных выводу. «...В некоторых, по крайней мере, отношениях, положение мусульманской женщины лучше, а круг её личных прав неизмеримо шире, чем у женщин европейских народов»².

Вместе с тем, ростки модернизации традиционного восточного общества исподволь пробивали себе дорогу, и они хорошо прослеживаются в этнографических исследованиях середины, второй половины XIX в.³ Фукс

¹ Не случайно, в рецензии на труд мусульманского модерниста А. Баязитова «Отношение ислама к науке и к иноверцам» (1887) отмечалось: «До сих пор в нашей литературе вполне довольствуются старыми, Бог весть, когда созданными, ошибочными представлениями о Востоке и его обитателях». См.: Н. Новое исследование об исламе. Отношение Ислама к наукам и к иноверцам. С.-Петербургского мухамеданского Ахуна Атауллы Баязитова // Московские Ведомости. – 1887. - № 218. – 10 августа.

² Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань, 1886. - С. 138.

³ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844; Шино П.А. Волжские татары // Современник. – 1860. - Т. LXXXI. – С. 255-290; Т. LXXXII. – С. 121-142.; Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. – М., 1870; Шиле. Казанские татары. Этнографический очерк, Сибирские татары // Природа и люди. – СПб. - 1979. - № 1 (январь); Шиле. Крымские татары // Природа и люди. – СПб. – 1979. - февраль; Шиле. Башкиры. Этнографический очерк // Природа и люди. – СПб. – 1979. – март; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их

К.Ф., Дорн Б.А., Пашино П.И., Гакстгаузен А., Шиле К.Л., Ядринцев Н.М., Потанин Г.Н. и др. добросовестно фиксируют постепенное проникновение в их быт и культуру элементов европейской жизни. Наиболее заметно европеизация, по мнению исследователей, под влиянием российской аккультурации проявилась в одежде, жилищно-бытовом обустройстве, досуге горожан, а также распространении русского языка, предпринимательства и т.д. Наряду с этим в исследованиях более позднего периода (второй половины XIX – начала XX вв.) отмечаются существенные изменения духовного уклада. Отечественные востоковеды (Катанов Н.Ф., Ашмарин Н.И., Бартольд В.В. и др.)¹, также как публицисты и ответственные чиновники обращают внимание на аспекты религиозной реформы и становление светской культуры.

Моменты аккультурации, таким образом, проявились по всему спектру традиционного уклада российских мусульман: начиная с элементов бытовой культуры, кончая восприятием европейских начал в сферах искусства, просвещения и науки. К концу XIX в. татарский женский костюм в значительной степени утратил свои архаичные черты. Под влиянием европейской моды в его облике всё более проявлялись как русские, так и общеевропейские черты. Весьма популярными в татарской среде становятся многочисленные магазинчики и лавочки, торгующие одеждой из Европы. Например, наблюдательный Фукс К.Ф. весьма тонко уловил тенденции изменения женской одежды. «Татарки с некоторого времени, начали вмешивать в свои наряды Европейские украшения: так, например, они обшивают свои рубашки широкими лентами в роде оборок, чего в старые годы не бывало; рукава у рубашки иные делают уже, чтобы можно было уместить их под браслеты; выпускают височки. К цветам же получили такую

быт и современное положение. – СПб, 1891 и др.

¹ Ашмарин Н. Очерк литературной деятельности казанских татар мохаммедан за 1880-1895 гг. – М., 1901; Ашмарин Н.И. Несколько слов о современной литературе казанских татар // Журнал министерства народного просвещения. Часть. CCCLXI. Отд. 3. – СПб, 1905. - №9.; Катанов Н.Ф. Поволжские татары в их произведениях и в их жизни. Обзор литературной деятельности татар за XIX век. Отдельный оттиск из изд. «Поволжье»; Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте ваисовцев. - Казань, 1909; Катанов Н.Ф. Краткий обзор татарских исторических книг. – Казань, 1912; Бартольд В.В. Ислам. – П., 1918 и др.

страсть, что заставили учиться делать их некоторых бедных Казанских Татарок, из мещан, которые из цветного буфмуслина делают что-то похожее...»¹ Даже в традиционно консервативной Средней Азии стали проявляться подобные тенденции. «Женщины стали обзаводиться бешметами вместо халатов», носить «русские ботинки». А «за последнее время у женщин, носящих рубахи с татарскими воротами, начинают входить в моду большие европейские запонки» и т.д.² Необычным явлением в культурной жизни мусульман стал театр, который способствовал не только приобщению к незнакомому виду искусства, но и к большей публичности частной жизни. Как писал первый в Казани частный журнал «Заволжский муравей»: «...представление театральных пьес производило весьма осязаемое влияние на вкус и обычаи не только россиян, но даже татар, кои через то приучались как бы к теснейшей связи с русскими нравами»³. Шиле достаточно осторожно отмечал: «Городские татары и татарки иногда посещают балы, маскарады, театры. В театрах татарки сидят обыкновенно в ложах, позади своих мужей с опущенными вуалями»⁴.

Безусловно, наряду с русской аккультурацией положительное влияние на правоверных также оказывал пример Турции (страны халифа), оказавшейся в авангарде модернизации мусульманского мира. «Турецкие сановники стали посещать балы и приёмы, ... сидели там за одним столом с европейцами и дамами, что раньше считалось совершенно недопустимым»⁵. Европейские обычаи, обед «alla franca», «европейская серебряная посуда и хрусталь, ...резные дубовые буфеты»; «словом, можно было подумать, что находишься в каком-нибудь загородном доме в Англии, во времена

¹ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. – Казань, 1991. – С.70. На изменение (модернизацию) женского костюма в XIX в. также обратил внимание Ш. Марджани. См.: Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. – Казань, 2005 – С.38.

² Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы... – С. 96, 103, 105.

³ Цит. по: Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Казань в системе этнокультурного взаимодействия народов России // Народы России на переломе эпох (XX – начало XXI вв.). – Казань, 2005. – С. 11.

⁴ Шиле. Казанские татары. Этнографический очерк // Природа и люди. – СПб. - 1979. - № 1 (январь) - С.26.

⁵ Рыжов К. Все монархи мира. Мусульманский Восток. XV – XX вв. – М., 2004. - С. 297-298.

Кромвеля...»⁶. Белоруссов в своих «Письмах из Константинополя» (1909) отмечал: «...турецкие женщины сменили чёрный мешок и густое чёрное покрывало на светлый широкий халат и белую лёгкую вуаль окутывающую голову, оставляя открытым лицо»². Ш. Марджани, посетив во время хаджа (1880) дом Муниф-паши в Стамбуле, был поражён, увидев не только «позолоченный стол, стулья (но – А.Г.) и **мраморную статую женщины**». Относительно этих элементов европейского быта, Р. Фахретдин в своём комментарии (1898) лишь кратко заметил: «Мы слышали, что сейчас и в Казани распространены подобные вещи»³.

Однако, сфера общественных прав мусульманок, их семейные отношения не столь легко поддавались влиянию модернизации. Катанов Н.Ф. в цикле статей «Взгляд мусульманских народов на женщину» (1900) рассматривает данный вопрос в сугубо традиционных рамках. Эти публикации о нравах арабов, турок, персов, казанских татар не содержат и намёка на какие-либо позитивные изменения в положении мусульманских женщин⁴. «Рай женщины под пятами мужа», «женщина всячески должна угождать своему мужу, ибо она может спастись только через него; женщина же, не имеющая мужа и предоставленная самой себе, идёт прямо к своей гибели»; «муж – хозяин над своей женой» и т.д. - трактует турецко-персидский взгляд⁵. (Отношения в турецком гареме весьма ярко живописует английская гувернантка.⁶) Казанско-татарский взгляд хотя и выглядит несколько мягче, но также вполне традиционен: «на обязанности мужа лежит вразумление и направление жены»⁷. Положение женщины кочевых народов Средней Азии целиком определялось адатом (традиционным, в основном,

¹ Гарем и турецкие женщины. Воспоминания английской гувернантки // Природа и люди. – 1879. - август. – С. 44.

² Белорусов. Новая и старая Турция. (Письмо из Константинополя) // Вестник Европы. – 1909. – Т. IV. - Кн. 7. (июль). – С. 355.

³ Марджани Ш. Рихлат ал-Марджани (Путешествие Марджани) // Очерки Марджани о восточных народах. – Казань, 2003 – С. 71, 75.

⁴ См.: Катанов Н. Взгляд мусульманских народов на женщину // Деятель. – 1900. - № 3. – С. 137, № 6-7. – С. 284-285, № 10. – С. 425-426.

⁵ Катанов Н. Взгляд мусульманских народов на женщину // Деятель. – 1900. - № 6-7. – С. 284, 285.

⁶ Гарем и турецкие женщины. Воспоминания английской гувернантки... - С. 41-57.

⁷ Катанов Н. Взгляд мусульманских народов на женщину // Деятель. – 1900. - № 8-9. – С. 426.

родовым правом). «Хотя в настоящее время киргизский адат изменяется, и взамен его создаётся... «новый адат», - констатирует Шкапский О.А. (1896), - тем не менее, 20 лет период крайне незначительный для того, чтобы в течение его совершенно изменились все его варварские постановления»¹.

Вместе с тем, европеизации быта казанских татар (находившихся, как и турки на острие европейской ассимиляции) сопутствовало известное раскрепощение нравов. Ежедневное общение с русским населением, поездки за границу (включая центры мусульманского модернизма) способствовали большей раскованности и критичности по отношению к закостенелым обычаям. Так, Ибрагим Камалов (сын известного ишана, имама г. Чистополя), обучавшийся вместе с М. Бигиевым в аль-Азхаре (Каир) у Мухаммада Абдо², вернулся в родной Чистополь настроенным соответственно. Сохранилась весьма характерная фотография (3 ноября 1902 г.), где выпускник исламского университета снят с женой на фоне пирамиды Хеопса. Поражает не столько щегольской европейский костюм Ибрагима, но абсолютно европейский вид его жены Таибы. На ней облегающее платье, в руках изящная сумочка, зонтик, на голове небольшая шапочка, коротко постриженные волосы полностью открыты взору. Впоследствии Ибрагим стал почётным гражданином города, имамом и мударрисом, но вместе с тем прослыл большим оригиналом. Во всяком случае, его дочь, Ракия рассказывала детям, как их дед заставлял её носить спортивные рейтузы и «гонять» на велосипеде. Можно лишь представить впечатление мусульман при виде внучки досточтимого шейха, разъезжающей по улицам с голыми по колено ногами³. И. Камалов постарался дать своим сёстрам и дочери светское образование в государственных учебных заведениях Казани и С.-Петербурга.

¹ Шкапский Ор. Положение женщины у кочевников Средней Азии // Среднеазиатский вестник. – 1896. – июнь. – С. 10.

² Абдо Мухаммад (1849-1905) – египетский богослов и общественный деятель, один из основоположников реформаторского движения в исламе.

³ Амирханов Р.У., внучатый племянник И. Камалова также отмечает нестандартное для имама (хотя и бывшего) увлечение физическими («гимнастическими в первую очередь») упражнениями. «Ибрагим сооружает в доме целый спортивный комплекс, устанавливает тренажёры, занимается не только сам, но и приобщает к этому делу всю свою «сознательную» родню». См.: Амирханов Р.У. Мулла и революционер в одном лице // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. - № 3/4.

Следует отметить, что и Р. Фахретдин (кади ОМДС) в своей книге «Тәрбияле хатын» («Воспитанная женщина», 1899) с похвалой отзывался о русских девицах, занимающихся гимнастикой и медициной.

Примечательно, что Муса Бигиев будущий выдающийся общественный деятель и религиозный реформатор, женился на сестре своего друга Асьме, достойной представительнице рода Камаловых. В семейных архивах потомков сохранилась необычная фотография, где она снята кормящей ребёнка с обнажённой грудью. В этом видится определённая позиция, и даже вызов господствовавшим в то время нравам. Фотография «татарской Мадонны» характеризует в определённой степени и самого Бигиева (не только реформатора, но имама С.-Петербургской мечети), его широту взглядов на проблемы феминизма, при его безусловной приверженности религиозным ценностям, духу и смыслу ислама. О том, что первые ростки женской эмансипации в мусульманской среде имели скорее исключительный характер, свидетельствуют не только экспертные оценки исламоведов, но и ожесточённые споры и дискуссии по женскому вопросу на страницах мусульманской печати, а также на Первом Всероссийском мусульманском съезде (1917).

Определяющим фактором женской эмансипации стало развитие светской системы образования мусульман. В новометодных школах, широко распространившихся в конце XIX – начале XX вв., воспитывалось новое поколение мусульманок, стремившихся к более активной общественно-политической роли (выходящей за традиционные рамки семьи и домашнего быта). Одним из выдающихся центров женского образования стало медресе «Буби» в селе Иж-Бобья, Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне Агрызский р-н РТ). Благодаря усилиям просветителей Габдуллы и Губайдуллы Буби, а также их сестры Мухлисы это медресе превратилось в подобие учительского института, готовящего как учителей, так и учительниц. Выпускницы новометодных медресе способствовали широкому

распространению идей освобождения женщин от предрассудков и жестких канонов традиционного уклада.

Наиболее ярко растущая общественно-политическая роль женщин отразилась в литературной деятельности. В поэтических произведениях и публицистике российских мусульманок поднимались важные вопросы жизни мусульманского общества. Книги поэтессы и педагога Г. Биктимировой из д. Яубаш Рязанской губернии (открывшей там школу для девочек), возможно, были первыми (конец XIX в.) в этом ряду публикаций, изданных типографским способом. Она свои произведения (в поэтической и прозаической форме) посвятила роли мусульманской женщины в семье и методам воспитания детей¹. Позднее, по мере развития татарской периодической печати количество публикаций мусульманок значительно увеличилось. Примечательно, что издателем последней книги Г. Биктимировой выступил выдающийся просветитель, кади и будущий муфтий Р. Фахретдин. В результате в «Этику общения» (1899) Биктимировой были включены наставления и советы самого Фахретдина². Прогрессивно настроенные улемы (религиозные реформаторы: Р. Фахретдин, Г. Баруди, М. Бигиев и др.) с большим вниманием относились к проблемам женского просвещения и воспитания.)

Широко женский вопрос был представлен на страницах нарождающейся татарской романистики, публицистики и произведений драматургии³. Если З. Бигиев, Г. Ильяси, Ф. Халиди стремились, прежде всего, показать приниженное положение женщин, то литературному творчеству Г. Исхаки российское мусульманское сообщество обязано постановкой проблемы эмансипации мусульманских женщин в его современном понимании. В своих романах, повестях и рассказах Исхаки не

¹ «Таргыйб эль-банат» («Поощрение девочек», СПб, 1892, 1897), «Хәснә-л-васыя» («Прекрасный опекун», СПб, 1895, 1899), «Мөгашәрәт әдәбе» («Этика общения», СПб, 1895, 1899).

² См. Биктимирова Г. Мөгашәрәт әдәбе (Этика общения). – СПб, 1899. – Б. 21-23.

³ Бигиев З. Олуф, яки Гүзәл кыз Хәдичә (Тысячи, или Красавица Хадича). – Казан, 1887; Ильяси Г. Бичара кыз (Несчастливая девушка). – Казан, 1887; Ильяси Г. Яшь кыз вә хатынларга Һәдия (Подарок девушкам и женщинам). – Казан, 1887; Халиди Ф. Рәдде бичара кыз (В ответ несчастной девушке). – Казан, 1888; Бигиев З. Гөнаһе кәбаир (Великие грехи). – Казан, 1890 и др.

просто выступил в защиту общественных прав женщин, но призвал их морально-нравственному раскрепощению. Тема эмансипации в качестве основополагающей идеи вошла в его программное произведение – просветительскую антиутопию «Исчезновение через 200 лет» (1902-1904)¹.

Очевидно, что идеи женской эмансипации в мусульманской среде развивались в контексте модернизации всего социально-культурного уклада мусульманского общества. По мере европеизации бытовых условий и становления светского образования (во второй половине XIX – начале XX вв.) изменения коснулись также элементов общественно-правовой системы и духовной культуры мусульман. Наиболее ярко эти тенденции охватили регионы цивилизационного пограничья (Турция, Ближний Восток, Поволжье и др.). Религиозно-реформаторские и просветительские концепции модернистов (проявленные в научной и художественной литературе) стали важнейшими теоретическими предпосылками феминистского движения, охватившего мусульманский мир в первой половине XX века.

¹ Исхакый Г. Ике йөз елдан соң инкыйраз // Исхакый Г. Әсәрләр. 1 т. / Повестьлар Һәм хикәяләр (1899 – 1908). – Казан, 1998. – Б. 154-270.